
ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА И ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВАЯ ЖИЗНЬ ОБЩЕСТВА

Александр Васильевич Малько
Главный научный сотрудник НИИ
государственно-правовых исследований Тамбовского
государственного университета им. Г. Р. Державина, доктор
юридических наук, профессор, заслуженный
деятель науки РФ
E-mail: alex25-58@mail.ru

Правовое сотворчество государства и общества и юридическая аномия*

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена необходимостью анализа взаимовлияния правового сотворчества публичной власти и гражданского общества и юридической аномии в современных условиях масштабных мировых преобразований. Предмет статьи составляют теоретические и практические аспекты взаимосвязи правового сотворчества и юридической аномии. Цель статьи — определение закономерностей, существующих между вышеназванными явлениями. На основании применения общенаучной методологии и формально-юридического метода рассмотрены особенности влияния друг на друга правового сотворчества государства и общества и юридической аномии. В результате выявлено, что они, выступая в системе взаимодействий в качестве противоположных «сторон» и олицетворяя собой соответственно сотрудничество и конфликты, предстают пересекающимися факторами в нашей жизнедеятельности. В частности, юридическая аномия играет особо деструктивную роль в правотворческой сфере, ибо именно здесь создаются, изменяются и отменяются нормы права. Констатируется и обратное влияние ресурсов правового сотворчества (высокая правовая культура, заинтересованность, инициатива и активность граждан и т. д.) на аномичные процессы.

Ключевые слова: взаимодействие, сотрудничество, конфликт, правотворчество, правовое сотворчество, юридическая аномия, доверие, правовая жизнь общества, правовая культура.

Alexander Vasilyevich Malko
Chief Researcher, Research Institute of State and Legal
Research, Derzhavin Tambov State University, Doctor of
Law, Professor, Honoured Scientist of the Russian Federation

Legal Co-Creation of the State and Society and Legal Anomie

Annotation. The relevance of the study is due to the need to analyze the mutual influence of legal co-creation of public authorities and civil society and legal anomie

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00271. URL: <https://rscf.ru/project/24-28-00271/>.

in the modern conditions of large-scale global transformations. The subject of the article is the theoretical and practical aspects of the relationship between legal co-creation and legal anomie. The purpose of the article is to determine the patterns that exist between the above-mentioned phenomena. Based on the application of general scientific methodology and the formal legal method, the features of the influence of legal co-creation of the state and society and legal anomie on each other are considered. As a result, it was revealed that they, acting in the system of interactions as opposing «sides» and personifying cooperation and conflicts, respectively, appear as intersecting factors in our life. In particular, legal anomie plays a particularly destructive role in the law-making sphere, since it is here that legal norms are created, changed and canceled. The reverse influence of legal co-creation resources (high legal culture, interest, initiative and activity of citizens, etc.) on anomic processes is also stated.

Keywords: *interaction, cooperation, conflict, lawmaking, legal co-creation, legal anomie, trust, legal life of society, legal culture.*

Сотрудничество государства и общества — залог успешного социального управления как в стабильный период, так и в условиях масштабных мировых преобразований. Одной из форм такого сотрудничества выступает правовое сотворчество названных структур.

По нашему мнению, правовое сотворчество — это высшая форма сотрудничества в юридической (и особенно в правотворческой) сфере между органами публичной власти и институтами гражданского общества, призванная согласовывать их интересы (облекаемые затем в соответствующие правотворческие акты), выступающая составной частью позитивной правовой жизни и одним из главных показателей цивилизованности, народовластия и зрелости как государства, так и социума. К его признакам можно отнести следующие.

1. Правовое сотворчество — разновидность как творчества, так и, в большей степени, сотрудничества. Сотрудничать же, согласно словарям, означает «действовать вместе, принимать участие в общем деле» [1, с. 750]. Поэтому, естественно, отношения между сторонами в подобных условиях основаны на согласии, взаимном понимании и взаимной поддержке.

2. Оно выступает высшей формой («вершиной») сотрудничества, вовлекая в государственное управление (с помощью наибольшей степени сотворческого процесса) граждан и структуры общества, где требуется проявлять особую волю и ответственность. Высшей эта форма может считаться потому, что в ее рамках осуществляется правотворчество, призванное создавать новые правила — нормативно-правовые основы как для всех остальных форм взаимодействия, так и для всей правовой жизнедеятельности.

3. Субъекты — это, с одной стороны, органы публичной власти, а с другой — институты гражданского общества, выступающие в виде активных самостоятельных участников правотворчества и одновременно в качестве «совместного», своего рода гибридного (смешанного), актора.

4. Объект — общественные отношения, которые должны быть организованы в результате данного сотворчества, что воплощается в конечном счете в принятии юридической нормы.

5. Содержание выражается в совершении субъектами действий, «соучаствующих» в управлении государственными и общественными делами.

6. Правовое сотворчество осуществляется в юридической сфере и, прежде всего, в правотворческой деятельности.

7. Это один из важнейших способов правовой (а точнее правотворческой) консолидации институтов гражданского общества и структур публичной власти.

8. Правовое сотворчество призвано содействовать достижению совместных целей при принятии правотворческого продукта (нормативных правовых актов,

нормативных договоров и т. д.), где согласовываются и удовлетворяются интересы сторон (государства и гражданского общества).

9. Будучи высшей формой сотрудничества, которая базируется на согласии, доверии, взаимности, оно привносит позитивное содержание в правовую жизнь общества. «Негативные и позитивные свойства правовой жизни общества зависят от того, в каких по характеру социально-интерактивных отношениях между собой находятся люди и их организации. Негативное содержание правовой жизни возникает, если в основе социально-правовых отношений присутствует явный или скрытый (латентный) конфликт между социальными субъектами (конфликт юридически значимых действий, конфликт интересов, конфликт правоприязаний и пр.). В свою очередь, позитивное содержание в правовую жизнь привносится тогда, когда социальные субъекты (субъекты права) вступают в отношения сотрудничества (солидарности), выражают намерение сообща решать существующие проблемы и задачи, строить свои отношения на началах доверия, взаимопонимания и взаимной поддержки» [2, с. 42].

10. Правовое сотворчество в определенной мере есть один из главных показателей степени цивилизованности, народовластия и зрелости не только гражданского общества, но и государственной власти. «Участвуя в выработке и принятии политических и правовых решений, граждане фактически становятся соавторами таковых, разделяя с государством (муниципальной властью) ответственность за их реализацию, у них самих же повышается заинтересованность в исполнении нормативных предписаний или в более активном использовании предоставляемых политическими институтами и правом возможностей. Реализация возможностей активного и ответственного участия граждан, гражданских институтов в происходящих в государстве процессах... составляет один из главных показателей идентичности и степени зрелости современного гражданского общества» [3, с. 16].

В правовом сотворчестве, как и в рамках сотрудничества в целом, важную роль играет атмосфера взаимного доверия между субъектами. На это ориентирует и ст. 75-1 Конституции РФ, где установлено, что «в Российской Федерации создаются условия... для взаимного доверия государства и общества». Действительно, «доверие значимо для обеспечения... общественного единства, солидарности, развитой слитности общества и власти» [4, с. 36], ведь оно — основа для правового сотворчества и сотрудничества государства и социума в целом, оно наделяет данные институты силой, заметно увеличивая их потенциал. По сути, степень доверия показывает, насколько граждане удовлетворены (довольны) деятельностью государственно-правовых институтов.

Обычно правовая жизнь именно так и протекает. Однако в кризисных (переходных, революционных, турбулентных) ситуациях общество «накрывают» аномичные процессы, связанные с безнормием, с разрушением или ослаблением его нормативной системы. По мнению Э. Дюркгейма, нормальная жизнь возможна при социальной сплоченности (солидарности, сотрудничестве). Отсутствие последней приводит к состоянию аномии как проявлению социальной дезорганизации и преступной агрессивности [5].

Особой разновидностью аномии социальной выступает аномия юридическая, соотносящиеся между собой как «род» и «вид», поэтому ряд основных параметров у них совпадает. Юридическая аномия обладает и своими собственными характерными чертами, сопряженными с соответствующей (правовой) сферой, в рамках которой она и осуществляется. Другими словами, юридическая аномия имеет как общие признаки с аномией социальной, так и свои, сугубо специфические. Разумеется, подобное разделение признаков весьма условно.

На наш взгляд, юридическая аномия есть разновидность социальной аномии, протекающая в правовой сфере в результате быстрых изменений в кризисный (переходный) период и потери доверия к государственно-правовым институтам, представляющая собой негативную (дестабилизирующую) составляющую правовой жизни

общества и характеризующаяся дисфункциональностью и рассогласованностью компонентов правовой системы, что наиболее ярко выражено: во-первых, в полном или частичном отсутствии необходимых (новых) правовых норм, во-вторых, в отрицательном отношении населения к имеющимся при очевидной их неэффективности, в-третьих, в массовой отклоняющейся правореализационной деятельности субъектов.

Наиболее характерными признаками юридической аномии выступают, в частности, следующие:

1) это специфическая разновидность социальной аномии, протекающая в правовой сфере в результате быстрых изменений в кризисный (переходный) период и потери доверия к государственно-правовым институтам;

2) она представляет собой негативную (дестабилизирующую, патологическую) составляющую правовой жизни общества, ее теневую часть, ведущую к хаосу;

3) этот процесс связан с рассогласованностью и дисфункциональностью компонентов правовой системы — права, правосознания и правореализации. Юридическая аномия приводит к нарушению баланса (равновесия) в правовой системе, создает условия для дезинтеграции основных ее элементов. Другими словами, правовая система в такой ситуации теряет свою организующую роль, приобретая все более фрагментированный и сегментированный характер, в рамках которого внутренние связи и взаимодействия минимизируются;

4) она сопряжена с полным или частичным отсутствием необходимых (новых) правовых норм;

5) связана с отрицательным отношением со стороны субъектов к имеющимся правовым нормам при очевидной их неэффективности (неопределенности, противоречивости, противозаконности и т. п.);

6) проявляется в массово отклоняющейся от имеющихся (старых) норм правореализационной деятельности субъектов [6, с. 12–13].

Бесспорно, правовое сотворчество и юридическая аномия — пересекающиеся факторы в нашей жизнедеятельности, занимающие соответствующие места в системе таких противоположных «сторон» взаимодействий, как сотрудничество и конфликты. Их влияние друг на друга связано со следующими моментами.

Если правовое сотворчество государства и общества выступает, как уже ранее было замечено, не просто одним из видов сотрудничества, а именно его высшей формой, то юридическая аномия «располагается» в прямо противоположном «лагере» — в сфере конфликтов. Поэтому аномия, разумеется, ассоциируется не с сотрудничеством (и тем более с правовым сотворчеством), а с конфликтом, что предполагает ее анализ, помимо прочего, и в рамках конфликтологии [7, с. 35]. По представлению Р. Мертон, аномия — это результат несогласия и конфликта между «культурой» и «социальными структурами», ведь она выражает такую ситуацию, когда люди не могут достичь своих целей законными средствами и в силу этого игнорируют сложившиеся нормы, пытаясь достичь их незаконным путем [8, с. 127]. Э. Гидденс верно подметил, что «Р. Мертон модифицировал понятие аномии для обозначения напряженности, возникающей в поведении индивида в ситуации, когда принятые нормы вступают в конфликт с социальной реальностью» [9, с. 299].

В целом аномия используется для обозначения такого состояния социума, в котором отсутствие (полное или частичное) норм влияет на неустойчивость регулирующих отношений между субъектами и приводит к тому, что большинство населения оказывается «вне общества», вступая в конфронтацию с ним [10, с. 35]. И действительно, в состоянии юридической аномии уровень конфликтности в государстве и правовой системе переходного типа возрастает, что связано с утратой необходимого в плане сохранения устойчивого социального развития регулятивного баланса, способности властных институтов упорядочивать основной массив общественных отношений. В этой ситуации к типичным проявлениям аномии в

правовом пространстве относятся: лавинообразный характер роста преступности; маргинализация разных слоев населения; распространение неправового способа разрешения конфликтов (в предпринимательской, политической, семейно-бытовой сфере), ориентирующегося в основном на физическое насилие в отношении своих оппонентов; криминализация различных структур государственной и муниципальной власти, отдельных должностных лиц и т. д. [11, с. 10]

В силу подобных обстоятельств аномичные процессы, несомненно, будут естественным образом сопряжены со снижением уровня доверия к государственно-правовым институтам и нормам. Отсюда вполне обоснованно утверждается, что, когда «общество погрузилось в состояние аномии, т. е. ценностно-нормативного вакуума, характерного для переходного и кризисных периодов, когда старые экономические и социальные нормы уже перестали действовать, а новые еще только устанавливаются», тогда «в этой ситуации важно доверие всех социальных групп населения, единство власти и народа» [12, с. 2], что при аномии «проявляется социальная напряженность в росте недовольства, недоверия к властям...» [13, с. 4], что «исчезновение доверия к государственным институтам можно рассматривать как основной признак правовой аномии» [14, с. 37].

Падение доверия к государственно-правовым институтам и нормам — некий сигнал об отсутствии консенсуса в обществе, а отсутствие консенсуса относительно норм, считающихся легитимными, — это (согласно Р. Мертону) тоже есть проявление аномии.

Понятие юридической аномии в сфере правотворчества (а также и правового сотворчества) можно определить как такое ее состояние, которое характеризуется рассогласованностью и неопределенностью издаваемых правовых норм, их несоответствием актам большей юридической силы. «Данная разновидность юридической аномии снижает степень доверия населения к издаваемому нормативному материалу, обуславливает пониженную эффективность правового регулирования, в рамках которого отсутствие определенности, несогласованность, частые изменения и неконституционный характер правовых предписаний вносит элемент аномичности уже в правоприменительную практику» [15, с. 26].

Кроме того, правовое сотворчество в условиях доминирования аномичных процессов постепенно «перетекает» в теневую составляющую правовой жизнедеятельности и теряет во многом свой позитивный потенциал. И здесь уже в правотворческой области юридическая аномия может проявляться в форме протекционизма, различного рода коррупции, теневого лоббизма. Если говорить о последнем, то верно подмечено, что он пока не имеет достаточной нормативно-правовой основы и поэтому в большей степени находится в тени. «В результате на поверхности видны только само принимаемое решение и тот, кто его принимает. За кулисами лоббизма в тени остаются настоящий заказчик, другие участники цепочки, материальное вознаграждение за конечный результат и другое» [16, с. 16].

Так и есть, еще немалая часть лоббистской деятельности групп влияния располагается в теневой составляющей взаимодействия институтов гражданского общества и власти, а значит, и в теневом сегменте нашей правовой жизни в целом, что приводит к конфликтам, подчас к необоснованной блокировке принятия необходимых для государства нормативных правовых актов. Например, «Госдума год пытается принять закон о больших оборотных штрафах за утечку личных данных и об уголовной ответственности за их нелегальный оборот. Закон в рамках уголовного дела, в отличие от административного о штрафе, позволил бы совершать выемки данных, изучать журналы доступа к ним, отслеживать перемещение. И картина того, кто допустил утечку, прояснилась бы. Но палки в колеса законопроекта вставляет цифровой бизнес. Его лобби, мягко говоря, самоуверенно торгуется. Особенно преуспевает Ассоциация больших данных, куда входят цифровые гиганты. На кону и большие деньги, и возникновение прецедента почти персональной ответственности цифровых менеджеров» [17].

При подобном положении вещей право уже может быть выразителем не только общесоциальных ценностей, но и, в значительной мере, корпоративных корыстных интересов [18, с. 103].

В то же время правовое сотворчество может оказывать и обратное воздействие на аномичные процессы, создавая юридические условия для их предотвращения и преодоления. Вот почему «к сфере правотворчества следует подходить наиболее пристально в контексте выявления причин юридической аномии в обществе, т. к. данные явления, если они присутствуют в самой правотворческой сфере, "разъедают" и сам законодательный фундамент, а ошибки, допущенные на этапе правотворчества, будут провоцировать увеличение правовой аномии в пространстве собственно социальной жизни, в том числе на последующем этапе правореализации» [19, с. 94].

Одна из задач правового сотворчества (так же как и сотрудничества в целом) — это минимизация конфликтогенности, ведь «юридическая аномия — это источник возрастания степени конфликтогенности, связанный с деструктивной деятельностью различных субъектов правоотношений, наличием институциональных искажений в правовой, политической и социально-экономической сферах жизнедеятельности, вызванных отказом от реализации установленных юридических норм и иных социальных норм, деформациями законности и правового порядка, нигилистическим отношением к правовой действительности» [11, с. 7].

Наличие личной заинтересованности, высокая правовая культура и активное участие в правовом сотворческом процессе (что делает его более согласованным и результативным для решения общих проблем) могут рассматриваться как добротное средство противодействия аномичным проявлениям, как важнейший фактор, снижающий уровень юридической аномии (в том числе и в отношении конкретного его субъекта). Подобный эффект справедливо было бы отнести и к институтам непосредственной демократии, например, к референдуму. Если отдельные нормативные положения будут создаваться непосредственно самими гражданами, то повысится как степень их осведомленности о происходящей в государстве юридической деятельности, так и степень вовлеченности в соответствующую работу, что окажет благотворное влияние в плане снижения уровня юридической аномии [15, с. 25].

Не случайно в связи с этим Э. Дюркгейм подчеркивал, что «состояние аномии невозможно повсюду, где солидарные органы находятся в достаточно тесном и продолжительном соприкосновении» [20, с. 377]. Сотрудничество (солидарность) создает систему благоприятных факторов для созидательных сотворческих процессов, сдерживая конфликтную и дисфункциональную практику различных субъектов в рамках правовой системы общества.

Таким образом, правовое сотворчество и юридическая аномия, выступая в системе взаимодействий в качестве противоположных сторон и олицетворяя собой соответственно сотрудничество и конфликты, предстают пересекающимися факторами в нашей жизнедеятельности. Они достаточно заметно влияют друг на друга.

С одной стороны, юридическая аномия, во многом выражаясь в рассогласованности взаимодействий (сотрудничества и особенно правового сотворчества), ведет к распаду ценностно-нормативных основ солидарности социального существования и к росту конфликтных взаимосвязей. Несогласованное (спорное, противоречивое) осуществление юридических норм препятствует прогрессивному развитию правовой системы и хаотизирует правовую жизнь общества в целом, «перемещая» ее в теневой сегмент. Особо деструктивную (а подчас и крайне негативную) роль юридическая аномия играет в правотворческой сфере, ибо именно здесь создаются, изменяются и отменяются правила поведения. Тем более, что юридическая аномия в основном ассоциируется с безнормием (когда старые нормы уже не действуют, а новые еще не приняты).

С другой же стороны, ресурсы правового сотворчества (высокая правовая культура, заинтересованность, инициатива и активность граждан и т. д.), «вовлекая» население в процесс управления государственными делами и расширяя простор для

солидарности институтов гражданского общества с органами публичной власти, укрепляя их сотрудничество (партнерство), прежде всего, в правотворческой сфере, тем самым минимизируют конфликтогенность и дисфункциональность компонентов правовой системы, чем, несомненно, оказывают весомое нужное воздействие и на аномичные проявления.

Пристатейный библиографический список

1. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М. : Рус. яз., 1991.
2. Трофимов В. В. Конфликтное право и право сотрудничества как выражение базовых социальных стратегий: проблема действительности системно-правовых конструкций // Государственно-правовые исследования. 2022. Вып. 5. С. 39–51.
3. Трофимов В. В. Коммуникация гражданского общества и публичной власти на платформе правового сотворчества как социальный инструмент выравнивания и стабилизации курса государственно-правового развития (введение в проблему) // Право: история и современность. 2018. № 1. С. 73–82.
4. Кокотов А. Н. Доверие. Недоверие. Право. М. : Норма : ИНФРА-М, 2004.
5. Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд / пер. с фр. с сокр.; под ред. В. А. Базарова. М. : Мысль, 1994.
6. Малько А. В. Правовая жизнь общества, аномия и проблемы единства правового пространства в современной России // Государство и право. 2023. № 3. С. 12–13.
7. Пилипчук О. В. Методологические основания изучения феномена аномии: классификация научных подходов // Идеи и идеалы. 2012. Т. 2, № 3. С. 35–44.
8. Мертон Р. К. Социальная структура и аномия // Социология преступности. Современные буржуазные теории : сборник статей : пер. с англ. М. : Прогресс, 1966. С. 299–313.
9. Гидденс Э. Социология. М. : Эдиториал УРСС, 1999.
10. Всемирная энциклопедия: Философия. XX век / гл. науч. ред. и сост. А. А. Грицанов. М. : АСТ; Минск : Харвест : Современный литератор, 2002.
11. Бороздина М. С. Юридическая аномия в институциональной трансформации современной российской государственности : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2009.
12. Кавецкий С. Т. Аномия в современном обществе: социологический аспект : автореф. дис. ... д-ра социол. наук. Минск, 2020.
13. Малинина К. О. Социальная аномия в современном российском обществе: причины, проявления, показатели : автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2015.
14. Герашенко Д. Г. Правовая аномия в российском обществе: структурно-деятельностное измерение : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Ростов н/Д, 2011.
15. Юридическая аномия как фактор снижения эффективности правотворческой деятельности / А. В. Малько, Д. А. Липинский, А. А. Иванов, Р. С. Маркунин // Вестник РУДН. Сер. : Юридические науки. 2024. Т. 28, № 1. С. 7–28.
16. Моруга А. В. Девиации в системе социального управления в России : автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2011.
17. Емельяненко В. По ком звонит смартфон. Кто загоняет человечество в цифровой концлагерь // Российская газета. 2024. 29 мая.
18. Милушева Т. В. Аномия как институциональное искажение политических процессов // Правовая культура. 2024. № 2. С. 102–104.
19. Трофимов В. В., Самородов В. Ю., Горюшина Ю. В. Межсубъектное правовое сотворчество в правотворческой деятельности как способ предупреждения явлений юридической аномии // Правовая культура. 2024. № 2. С. 93–97.
20. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М. : Канон, 1996.

References

1. Ozhegov S. I. Slovar' russkogo jazyka. [Dictionary of the Russian language] M. : Rus. Jaz. [Publishing house], 1991.
2. Trofimov V. V. Konfliktnoe pravo i pravo sotrudnichestva kak vyrazhenie bazovyh social'nyh strategij: problema dejstvitel'nosti sistemno-pravovyh konstrukcij // Gosudarstvenno-pravovye issledovanija. [Conflict law and the law of cooperation as an expression of basic social strategies: the problem of the validity of systemic-legal constructions // State and legal studies] 2022. Issue 5. Pp. 39–51.
3. Trofimov V. V. Kommunikacija grazhdanskogo obshhestva i publichnoj vlasti na platforme pravovogo sotvorchestva kak social'nyj instrument vyravnivaniya i stabilizacii kursa gosudarstvenno-pravovogo razvitija (vvedenie v problemu) // Pravo: istorija i sovremennost'. [Communication of civil society and public authorities on the platform of legal co-creation as a social instrument for alignment and stabilization of the course of state and legal development (introduction to the problem) // Law: history and modernity] 2018. No. 1. Pp. 73–82.
4. Kokotov A. N. Doverie. Nedoverie. Pravo. [Trust. Distrust. Law.] M. : Norma : INFRA-M [Publishing house], 2004.
5. Djurkgejm Je. Samoubijstvo: Sociologicheskij jetjud / translated from French with abbreviation; edited by V. A. Bazarov. M. : Mysl' [Publishing house], 1994.
6. Mal'ko A. V. Pravovaja zhizn' obshhestva, anomija i problemy edinstva pravovogo prostranstva v sovremennoj Rossii // Gosudarstvo i pravo. [Legal Life of Society, Anomie, and Problems of the Unity of Legal Space in Modern Russia // State and Law] 2023. No. 3. Pp. 12–13.
7. Pilipchuk O. V. Metodologicheskie osnovanija izuchenija fenomena anomii: klassifikacija nauchnyh podhodov // Idei i idealy. [Methodological Foundations for Studying the Phenomenon of Anomie: Classification of Scientific Approaches // Ideas and Ideals.] 2012. Vol. 2, No. 3. Pp. 35–44.
8. Merton R. K. Social'naja struktura i anomija // Sociologija prestupnosti. Sovremennye burzhuaznye teorii: sbornik statej; per. s angl., [Social Structure and Anomie // Sociology of Crime. Modern Bourgeois Theories: Collection of Articles: trans. from English] M. : Progress [Publishing house], 1966. Pp. 299–313.
9. Giddens Je. Sociologija. [Sociology] M. : Jeditorial URSS [Publishing house], 1999.
10. Vsemirnaja jenciklopedija: Filosofija XX vek [World Encyclopedia: Philosophy of the 20th Century] / chief scientific editor and compiler A. A. Gricanov. M. : AST; Minsk. : Harvest : Sovremennij literator [Publishing house], 2002.
11. Borozdina M. S. Juridicheskaja anomija v institucional'noj transformacii sovremennoj rossijskoj gosudarstvennosti : dis. ... kand. jurid. nauk. [Legal Anomie in the Institutional Transformation of Modern Russian Statehood: dissertation for the Candidate degree in legal sciences] Rostov n/D, 2009.
12. Kaveckij S. T. Anomija v sovremennom obshhestve: sociologicheskij aspekt : avtoref. dis. d-ra sociol. nauk. [Anomie in Modern Society: Sociological Aspect: author's abstract to the dissertation for doctoral degree in sociological sciences] Minsk, 2020.
13. Malinina K. O. Social'naja anomija v sovremennom rossijskom obshhestve: prichiny, pojavlenija, pokazateli : avtoref. dis. ...kand. sociol. nauk. [Social anomie in modern Russian society: causes, manifestations, indicators: author's abstract to the dissertation for Candidate degree in sociological sciences] M., 2015.
14. Gerashhenko D. G. Pravovaja anomija v rossijskom obshhestve: strukturno-dejatel'nostnoe izmerenie : avtoref. dis. ...kand. sociol. nauk. [Legal anomie in Russian society: structural-activity dimension: author's abstract to the dissertation for Candidate degree in sociological sciences] Rostov n/D, 2011.
15. Juridicheskaja anomija kak faktor snizhenija jeffektivnosti pravotvorcheskoj dejatel'nosti / A. V. Mal'ko, D. A. Lipinskij, A. A. Ivanov, R. S. Markunin // Vestnik RUDN. Ser. : Juridicheskie nauki. [Legal anomie as a factor in reducing the effectiveness

of law-making activity / A. V. Malko, D. A. Lipinsky, A. A. Ivanov, R. S. Markunin // Bulletin of RUDN. Series: Legal sciences.] 2024. Vol. 28, No. 1. Pp. 7–28.

16. Moruga A. V. *Deviacii v sisteme social'nogo upravlenija v Rossii : avtoref. dis. kand. sociol. nauk.* [Deviations in the system of social management in Russia: author's abstract to the dissertation for Candidate degree in sociological sciences] M., 2011.

17. Emel'janenko V. *Po kom zvonit smartfon. Kto zagonjaet chelovechestvo v cifrovoj konclager' // Rossijskaja gazeta.* 2024. 29 maja. [For Whom the Smartphone Tolls. Who is Driving Humanity into a Digital Concentration Camp // Rossiyskaya Gazeta.]

18. Milusheva T. V. *Anomija kak institucional'noe iskazhenie politicheskikh processov // Pravovaja kul'tura.* [Anomie as an Institutional Distortion of Political Processes // Legal Culture] 2024. No. 2. Pp. 102–104.

19. Trofimov V. V., Samorodov V. Ju., Gorjushina Ju. V. *Mezhsob#ektное pravovoe sotvorchestvo v pravotvorcheskoj dejatel'nosti kak sposob preduprezhdenija javlenij juridicheskoi anomii // Pravovaja kul'tura.* [Legal Co-creation in Law-Making Activity as a Way to Prevent the Phenomena of Legal Anomie // Legal Culture.] 2024. No. 2. Pp. 93–97.

20. Djurkgejm Je. *O razdelenii obshhestvennogo truda.* [On the Division of Social Labor] M.: Kanon [Publishing house], 1996.

Алексей Юрьевич Саломатин

*Заведующий кафедрой теории государства и права и политологии Пензенского государственного университета, доктор юридических наук, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент Международной академии сравнительного права
E-mail: valeriya_zinovev@mail.ru*

Сравнительное правоведение: траектория развития от модернизационной эпохи к глобальной нестабильности

Аннотация. *Актуальность статьи связана с возрастающим значением сравнительного правоведения в условиях глобальной трансформации современного мира. В качестве первоочередной цели выдвигается рассмотрение эволюции этой науки от метода к мега-дисциплине. Основываясь на методологии комплексного исторического сравнения, диахронного и синхронного компаративистского анализа, автор пошагово раскрывает специфику зарождения и развития сравнительного правоведения начиная с первой трети XIX в. в различных странах мира. Делается вывод о закономерности расширения предметного поля дисциплины и ее регионализации в условиях многополярного мира. Впервые выдвигается кардинальное предложение о целесообразности создания Евразийской ассоциации сравнительного права. Материалы исследования могут найти свое применение в повседневной деятельности российских компаративистов и в преподавании теории государства и права.*

Ключевые слова: *сравнительное правоведение, сравнительно-правовые исследования в XIX в., интернационализация сравнительного правоведения в XX в., Международная академия сравнительного права, региональная дифференциация, сравнительно-правовые исследования, глобализация.*

Alexey Yuryevich Salomatina

Head of the department of Theory of State and Law and Political Science, Penza State University, Doctor of Legal sciences, Doctor of Historical sciences, Professor, Corresponding Member of the International Academy of Comparative Law